

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

«ПРАГМАТИСТСКИЙ ЭПИЗОД» В БИОГРАФИИ ЛОГИКА Н.А. ВАСИЛЬЕВА

В.В. Ванчугов

Кафедра истории русской философии
Философский факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27/4, Москва, Россия, 119901

Статья посвящена рассмотрению этапа первичной рецепции прагматизма в русской философской культуре. В центре внимания автора — основатель «воображаемой логики» Н.А. Васильев, предпринявший попытку описания и выявления сущности прагматизма, к 1908 г. принявшего различные формы и постепенно овладевающего умами европейского (и российского) интеллектуального сообщества.

Ключевые слова: прагматизм, гуманизм, логика, критицизм, рефлексия.

В статье «Н.А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики» известный исследователь жизни и творчества этого мыслителя — В.А. Бажанов — отмечал, что в 1908 г. у Н.А. Васильева «возникает убеждение, что занятия психологией на самом деле не являются самоцелью, что они есть лишь своего рода подготовительный этап, который должен предшествовать занятиям философией и логикой. В этом же году интересы ученого полностью переносятся в область этих наук. Он увлекается прагматизмом и читает публичные лекции об этом философском направлении в обществе Народных университетов» (1).

Однако тема увлечения новым философским течением (его источник, побудительные мотивы) в данной статье не была развита. А это тем более необходимо сделать, поскольку речь идет не только о нюансах восприятия нашими интеллектуалами нового философского течения, но и о самых ранних стадиях рецепции и репрезентации прагматизма.

Первое появление слова «прагматизм» для обозначения нового философского учения в России было сделано на страницах журнала «Русское богатство» в 1905 г., в заметке П.В. Мокиевского, посвященной смерти русского ученого Семенов: «Если уж употреблять старомодное выражение „последнее слово науки“,

писал Мокиевский, то на это название в области философии, конечно, больше всего имеет право то философское течение, которое... именуется различными своими представителями то „прагматизмом“, то „практицизмом“, то, наконец, „гуманизмом“» (2).

Но это было лишь упоминание, и автор заметки вряд ли понимал, почему это учение именуется то прагматизмом, то гуманизмом.

Словом «прагматический» в нашем отечестве к тому времени чаще всего пользовались историки и юристы. Например, В.О. Ключевский в разборе одной научной работы (1891) отмечал как положительное свойство, что «прагматическая обработка материала более умела и тщательна». Примером употребления слова «прагматизм» философом, но все еще в нефилософском (скорее метафорическом) значении, может быть статья С.Н. Трубецкого «Основания идеализма» (1896), где он говорит об «эмпирическом прагматизме» — идеологии представителей естествознания и истории, пытающихся ниспровергнуть метафизику.

Хотя книга Джеймса «Прагматизм» вышла в 1907 г., первая декларация его учения, обозначаемого в последующем как «прагматизм», состоялась намного раньше — в 1898 г., в лекции «Философские концепции и практический результат» («Philosophical Conceptions and Practical Results»), в Беркли, в Калифорнии. Но к этому времени Джеймс был известен в России — благодаря переводу И.И. Лапшина — только лишь как психолог. О прагматизме российские любители философии могли бы узнать и чуть позже, но все же раньше 1907 г., прочитай кто его «Многообразие религиозного опыта», опубликованное на английском в 1902 г. Но никто не прочитал, а русский перевод «Прагматизма» появился только в 1910 г.

Тем не менее «прагматизм» как новое направление философской мысли все же проникал в наше отечество благодаря совокупности событий. Одному из них мы и уделим внимание в этой статье.

О прагматизме российский читатель мог узнать из отчета Н.А. Васильева о третьем международном философском конгрессе в Гейдельберге.

В 1908 г. Николай Александрович Васильев (1880—1940), в будущем создатель «воображаемой» (или не-аристотелевской) логики, прибыл в Германию с целью совершенствования в науках для соискания в будущем звания приват-доцента Казанского университета. Перед возвращением в Россию он решил заехать в Гейдельберг, поскольку с 31 августа по 5 сентября 1908 г. там проходил очередной международный философский конгресс. Прежде мероприятия столь высокого уровня состоялись в Париже (1900) и в Женеве (1904). Стоит также особо отметить, что вице-президентом I Всемирного философского конгресса был его отец — математик А.В. Васильев, который занимался подготовкой конгресса и выступал на нем с докладом. Он же был среди участников и третьего конгресса, так что в Гейдельберге, среди прочего, состоялась встреча отца с сыном.

Общее впечатление о месте проведения нового конгресса Васильев выразил следующим образом: «Германия и сейчас сердце философской мысли человечества... Гейдельберг идеальный город для конгресса» [4. С. 3]. В «идеальном горо-

де» были замечены во время конгресса и наши соотечественники: Б.В. Яковенко, на тот момент еще «студент из Фрейбурга», прочитавший доклад «Что такое трансцендентальный метод»; затем Григорий Ительсон, охарактеризованный как «русский, живущий в Берлине», выступивший с докладом «Разделение познаний на отдельные науки»; еще более таинственная для россиян Тумаркина (3), «приват-доцент в Берне», предложившая собравшимся размышления о «Критической проблеме в докритических сочинениях Канта», да господин Козловский, чей доклад назывался «Причинность, как основной принцип науки о природе».

Сам Васильев, примкнувший к участникам конгресса на правах «присутствующего», также к этому времени был уже достаточно компетентным специалистом.

В 1904 г. он получил диплом лекаря «с отличием» в Казанском университете, в 1906 г. здесь же сдал экзамены за историко-филологический факультет и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии; с 1907 г. преподавал философию и психологию на Казанских высших женских курсах. Так что в Гейдельберг он прибыл достаточно осведомленным в делах философии.

Из тридцатистраничного отчета Васильева российским читателям стало известно также, что на конгрессе отсутствовали многие из тех философов, которых ожидали больше всего: «Пожалуй приходится перечислять не тех, которые присутствовали, а тех, которые отсутствовали. Из англичан и американцев не было ни Джемса, ни Пирса, ни Брэдли» [4. С. 4].

Прагматисты на этом конгрессе были представлены американцем Дж. Ройсом и англичанином Шиллером, разрабатывающим прагматизм как «гуманизм».

Несмотря на неполноту рядов в стане прагматистов, обсуждение этого направления в философии вызывало особенный интерес у участников конгресса.

Так как русское общество было практически незнакомо с этим направлением, достаточно новым и для Европы, то Васильев посчитал необходимым вкратце рассказать историю его появления и значение основных понятий.

Рассказывая о прагматизме, он предпочел использовать... немецкий перевод книги Джеймса, только что здесь опубликованный — «Pragmatismus» (4).

После изложения прагматизма в общем и целом Васильев решил, подводя итоги, вкратце передать самую суть нового учения. Он пришел к выводу, что в прагматизме отразился «практический дух» XIX в., а именно: «все небывалое развитие опытной науки и техники, ускоренная эволюция человеческих обществ и обостренная борьба за существование среди них, капитализм и психика больших городов», при этом в нем также выразилась и «вечная, присущая человеческой природе... жажда религиозной истины» [4. С. 29].

Также Васильев приходит к выводу, что прагматизм — это «техника, которая объявила себя философией и при том единственной философией, это научный эксперимент, который объявил себя единственным разумным умозрением. В прагматизме пропадает, стирается разница между риторикой и наукой, между инструментом и мыслью... И не есть ли прагматизм только талантливое *reductio ad absurdum* XIX в., только злая карикатура на него?» [4. С. 29].

В последующем предложении Васильев выражает ту черту прагматизма, которая будет отмечаться подавляющим числом тех исследователей, кто станет писать что-либо об этом учении, и о том, что выдавало себя за него: «Но в прагматизме выразилось еще и другое. В нем выразился национальный характер англичан и американцев, практическая склонность их ума» [4. С. 29].

В предисловии к «Прагматизму» Джеймс рекомендовал тем читателям, кто заинтересуется его воззрением, ознакомиться, среди прочего, и с «Очерками гуманизма» англичанина Ф.К.С. Шиллера (F.K.S. Shiller), давшего альтернативное название новому течению мысли — «гуманизм».

Из отчета Васильева мы узнаем также, что Шиллер в своем докладе, говоря о философском рационализме, употребил такое выражение, как «болото глупостей». Это сравнение очень рассердило хозяев конгресса (в особенности неокантианцев) (5), которые и без того были настроены на критику нового учения, один из вождей которого претендовал на очередной «коперникианский переворот» в философии. В итоге в этом «болоте» чуть было не нашел свою «смерть» английский прагматист.

Дискуссия завершилась доказательствами неоригинальности, вторичности нового учения, для чего — в зависимости от начитанности — цитировали различных писателей, уже давно придерживающихся «аналогичных» взглядов. И таких оказалось очень много: начиная с Протагора и заканчивая современностью, куда попали Гельмгольц, Зиммель, Мах и Ницше.

При этом ораторы особенно подчеркивали, сообщает Васильев, что все, что американцы и англичане выдают за новую философию, уже заключено в сочинениях немецких мыслителей. «На всем вашем прагматизме должна быть вычеканена марка *Made in Germany*», вторил им упомянутый выше Г.Б. Ительсон [4. С. 32], который, подобно многим неопитам, хотел быть большим патриотом в философии, чем сами немцы.

На конгрессе был также не отмеченный Васильевым философ Ф.А. Степун, со «студентом из Гейдельберга» Б.В. Яковенко.

Вспоминая об этом конгрессе, первый из них характеризовал прагматистов как «наследников Рима, но не Афин»: «враждебные созерцательной традиции в христианстве, пуритане-прагматисты приехали в цитадель идеалистической философии с целью навязать Европе возникшее в Америке убеждение» [8. С. 116].

Что касается поведения и стратегии Шиллера на конгрессе, то в изложении Степуна это выглядело «антинаучно».

В его описании все происходило следующим образом: «С явно антинаучным задором доказывали профессор Шиллер и его единомышленники...» [8. С. 116].

Степун, «как и все русские студенты-философы», был целиком на стороне своих «учителей» — немцев, которым американский прагматизм представлялся «страшным варварством и грубым невежеством» [8. С. 116]. Однако далее Степун добавляет: «Перекликаясь и с Ницше и с Бергсоном, американский прагматизм стремился, в чем и была его главная заслуга, к замене схоластически-школьной

философии живою и действенною, всеохватывающею философией целостного духа. Эта в своей религиозной глубине русская тема захватила меня много позднее — лишь на войне» [8. С. 116—117].

Таким образом, только сидя во время Первой мировой войны в блиндаже вблизи немецких окопов, Степун смог понять, что случается и такое, когда пропагандируемому с «явно антинаучным задором» может быть противопоставлено все же не что иное, как научный вздор. Такое случается не только на страницах популярной прессы, но и в научной периодике, равно как и на конгрессах. Но относительно случившегося в 1908 г. Степун мог сказать лишь следующее: «В основном и Яковенко и все другие противники прагматизма были бесспорно правы: выросший на перекрестке дарвинизма и марксизма прагматизм был, благодаря своему утилитарному отношению к высшим духовным ценностям, совершенно не в состоянии не только разрешить, но хотя бы только правильно поставить основной философский вопрос о природе истины» [8. С. 116].

Однако, как верно заметил Н.А. Васильев, в той гейдельбергской дискуссии о прагматизме оказалась представленной лишь шиллеровская версия этого течения. Далее от этого наблюдателя в Германии россияне могли узнать также, что на конгрессе были еще философы, называющие себя прагматистами, но «придерживающиеся более осторожных взглядов Пирса».

И здесь же сообщается одна интересная подробность: «Они хранили глубокое молчание, не выступали в защиту Шиллера и даже иногда аплодировали его оппонентам» [4. С. 33—34].

Однако несмотря на неудачное завершение дискуссии для Шиллера дело всего прагматизма не было проиграно. Более того, имел место случай даже «обращения» в новое учение: так, после одной дискуссии стало известно, что в прагматическую «веру» обратился присутствовавший на конгрессе «японский профессор Куваки» [4. С. 33—34].

Сам Васильев при этом все же не обратился в новую «веру», поскольку его внимание было захвачено проблемами логики. И если ему и следовало бы познакомиться с кем-нибудь из нового движения как можно ближе, так это с Ч.С. Пирсом.

Кстати, как нам известно, еще в отрочестве Васильев серьезно занимался не только психологией, но и логикой, и даже конспектировал работу Пирса по логике отношений (6). И делать это приходилось не по отечественным, а зарубежным изданиям, благо уже в восемь лет Васильев свободно говорил по-немецки, а чуть позже освоил французский и английский языки. Это было тем более кстати, что из всех классиков прагматизма именно Пирсу, как отметил Тимофей Дмитриев, «меньше всего повезло с переводами на русский язык... в дореволюционной России его философские идеи знали в основном по популярным изложениям Джеймса, а также по обзорным работам западноевропейских поклонников американского прагматизма» [6. С. 156].

Впрочем, эта линия развития прагматизма выходит за рамки поставленной нами задачи (7). Здесь же мы можем только лишь отметить, что Н.А. Васильев,

примкнув к участникам конгресса, выступил не в роли случайного хроникера, а активным соучастником события, с историко-философской тщательностью представив нам широкий круг мыслителей и их идеи, представленные тогда исключительно на европейских языках.

Не став апологетом нового направления, Васильев оказался одним из первых в России среди его провозвестников, используя круг идей прагматизма в преподавательской деятельности, делая его органичной частью философской культуры (8). Так, логик Н.А. Васильев оказался первым среди тех, кто «наводил мосты» между русской, англо-американской и европейской философией в начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики // Вопросы философии. — 2010. — № 6. — С. 105. Хотя в более ранней работе и есть упоминание прагматизма, но лишь краткое (См.: Н.А. Васильев: жизнь и творчество // Н.А. Васильев. Воображаемая логика. — М.: Наука, 1989).
- (2) «Русское богатство». — № 10. — С. 196.
- (3) Тумаркина Мария Самойловна (1882—1976).
- (4) *James W.* Der Pragmatismus. Ein neuer Name für alte Denkmethode, übersetzt von W. Jerusalem. — Leipzig, Klinkhardt, 1908. В России перевод этой книги появится через два года: *Джеймс В.* Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярная лекция / Пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика. Изд. 2-е. — СПб.: Шиповник, 1910.
- (5) Президентом конгресса был В. Виндельбанд.
- (6) См.: *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики // Вопросы философии. — 2010. — № 6. — С. 105.
- (7) Здесь лишь отметим в развитие этой темы наличие работы, освещающей влияние Пирса на Васильева: *Бажанов В.А.* Влияние Ч. Пирса на логические идеи Н.А. Васильева (на англ. яз.) // *Modern Logic*. — 1992. — Vol. 3. — № 1.
- (8) Подробнее об этом см. мою работу «Русская мысль в поисках „нового света“: „золотой век“ американской философии в контексте российского самопознания» (М.: Уникум-Центр, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. — М.: Канон +, 2009.
- [2] *Бажанов В.А.* Влияние Ч. Пирса на логические идеи Н.А. Васильева (на англ. яз.) // *Modern Logic*. — 1992. — Vol. 3. — № 1.
- [3] *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. Избранные труды. — М., 1989.
- [4] *Васильев Н.А.* Третий международный философский конгресс в Гейдельберге. — СПб., 1909.
- [5] *Джеймс У.* Воля к вере / Пер. с англ. [Сост. Л.В. Блишников, А.П. Поляков]. — М.: Республика, 1997.
- [6] *Дмитриев Т.Ч.* С. Пирс. Начала прагматизма и др. работы // *Логос*. — 2000 (26). — № 5/6. — С. 156.
- [7] *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.
- [8] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. — М., СПб., 1995.

“PRAGMATIST EPISODE” IN THE BIOGRAPHY OF LOGICIAN N.A. VASILIEV

V.V. Vanchugov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
People’s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the stage of primary reception of pragmatism in Russian philosophical culture. The author is focused on the founder of the “imaginary logic” N. A. Vasiliev (1880—1940), who attempted to describe and identify the essence of the pragmatism. It’s interesting for us as historians of philosophical ideas because by 1908 pragmatism has taken various forms and captured the minds of European (and Russian) intellectual community.

Key words: pragmatism, humanism, imaginary logic, reception, reflection, criticism.